

БЫТ

РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА

РАФАЭЛА ЛЬЮИС

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОСМАНСКОЙ
ТУРЦИИ

Рафаэла Льюис

Повседневная жизнь Османской Турции. Быт, религия, культура

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607175

*Повседневная жизнь Османской Турции. Быт, религия, культура /
Льюис Рафаэла, Пер. с англ. Л.А. Игоревского.: Центрполиграф;
Москва; 2024
ISBN 978-5-9524-6104-8*

Аннотация

В книге рассказывается об истории, культуре, административном устройстве, религиозных представлениях и быте османов. Вы сможете познакомиться с полным перечнем религиозных правил и обязанностей, определявших повседневную жизнь турков.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Султаны османской империи	7
Глава 1	10
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рафаэла Льюис
Османская Турция.
Быт, религия, культура

Посвящается моей семье

БЫТ
РЕЛИГИЯ
КУЛЬТУРА

RAPHAELA LEWIS
EVERYDAY LIFE IN OTTOMAN
TURKEY

Оформление художника Я.А. Галеевой

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

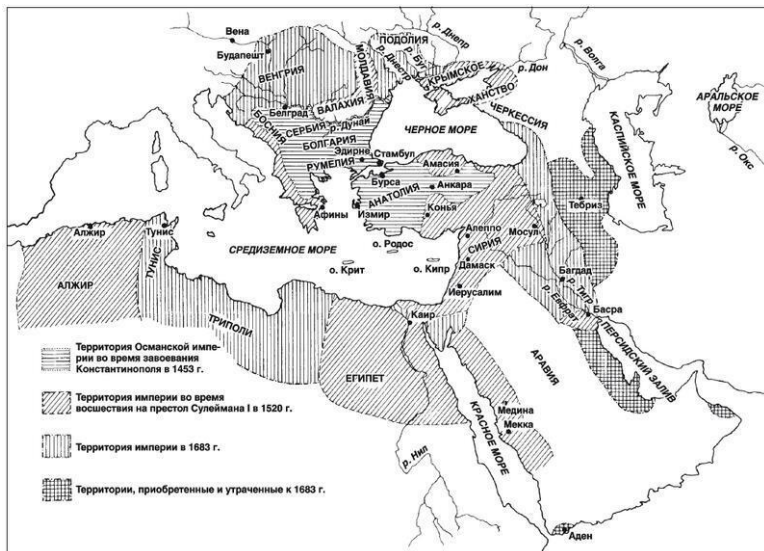
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, ЗАО «Центр по ли
граф», 2024

Султаны османской империи

Осман I (1281–1324),
Орхан (1324–1362),
Мурал I (1362–1389),
Баязет I (1389–1402), (Междоусобица)
Мехмет I (1413–1421),
Мурал II (1421–1444), (1446–1451),
Мехмет II (1444–1446), (1451–1481),
Баязет II (1481–1512),
Селим I (1512–1520),
Сулейман I (1520–1566),
Селим II (1566–1574),
Мурад III (1574–1595),
Мехмет III (1595–1603),
Ахмед I (1603–1617),
Мустафа I (1617–1618), (1622–1623),
Осман II (1618–1622),
Мурал IV (1623–1640),
Ибрагим (1640–1648),
Мехмет IV (1648–1687),
Сулейман II (1687–1691),
Ахмет II (1691–1695),
Мустафа II (1695–1703),
Ахмет III (1703–1730),

Махмуд I (1730–1754),
Осман III (1754–1757),
Мустафа III (1757–1774),
Абдулгамид I (1774–1789),
Селим III (1789–1807),
Мустафа IV (1807–1808),
Махмуд II (1808–1839),
Абдулмеджид (1839–1861),
Абдулазиз (1861–1876),
Мурад V (1876),
Абдулгамид II (1876–1909),
Мехмет V (1909–1918),
Мехмет VI (1918–1922),
Абдулмеджид II (1922–1924).

Карта Османской империи

Глава 1

Османская Турция, ее история и народы

В VI веке тюрки помчались на конях со своей родины, расположенной к западу от Великой Китайской стены, на завоевания, которые позволили их потомкам владеть одной из величайших в истории империй. Первоначально тюрки придерживались анимизма, то есть почитали землю, небо, воду, однако с продвижением в Центральную Азию и Восточную Европу в разное время они подпадали под влияние буддизма, манихейства, иудаизма и христианства. Завоевательные походы монголов заставили тюрок отклониться в сторону Арабского халифата, где они приняли ислам – веру, воодушевлявшую их в дальнейшем. Мусульманская религия породила образ жизни, который идеально подходил этим воинственным кочевникам, поскольку диктовал кодекс поведения, предусматривавший безоговорочное подчинение и ограниченную самостоятельность. Эта вера обещала большое вознаграждение при жизни и после нее воинам, сражавшимся и погибавшим в священной войне. Поскольку приверженность мусульманской вере обуславливала также автоматическое включение в обширное и процветающее сообщество, это производило сильное впечатление на завоевателей

и покоренные народы, формируя их почти нерасторжимое единство. Приняв ислам, великолепные тюркские воины теперь получали такие важные стимулы к ведению войн, как территориальные захваты и религия. Под их ударами пали Персия, Месопотамия, Сирия и Анатолия.

Мощная экспансия тюрков совпала с упадком восточного христианства. Новая Римская империя со столицей в Константинополе ослабевала экономически – по мере того как уступала свои владения венецианцам, генуэзцам и совершающим набеги тюркам, и в военном отношении – по мере того как сокращалась армия империи и рушились ее оборонительные рубежи. Четвертый крестовый поход, сопровождавшийся захватом и разграблением столицы Византии Константинополя, подтвердил существование вражды между римско-католической церковью, приверженной папе, и греческой православной, патриарх которой подчинялся императору. Разнообразные факторы, раскалывавшие христианство, не позволяли организовать достаточно эффективный отпор мощной лавине хищных и решительных захватчиков с мусульманского Востока. Тюрки неумолимо надвигались.

Наиболее могущественными среди тех вождей, что руководили тюркскими набегами, были вожди сельджуков – кочевой орды, распространившейся на запад. Они сокрушили всех соперников, выдворили крестоносцев и объединили мусульманскую Азию. С 1037-го по 1300 год они успешно правили державой, простиравшейся в зените могущества от Аф-

ганистана до Средиземного моря. В конце концов они стали жертвами монгольских завоевателей и внутренней междоусобицы. Их упадок продолжался до тех пор, пока не сохранили свое господство одни лишь сельджуки Рума в Малой Азии. Но в то время как тюркская держава переживала упадок, небольшие воинственные группы племен утвердились в Анатолии. Среди них всегда существовали отряды гази – мусульманских воинов, которые, не довольствуясь завоеванными территориями, постоянно стремились к продолжению военных походов и расширению границ господства ислама. К XIII веку некоторое число кочевых отрядов гази обосновались в самостоятельных ханствах, почти свободных от власти сельджукских или монгольских вождей, правивших в глубине континента. Одной такой кочевой армией командовал Эртугрул, отец Османа – основателя Османской династии. Здесь смешиваются история и легенда и рождается следующее предание.

Эртугрул, великий полководец из тюркской знати, рожденный повелевать, вел отряд всадников численностью 400 человек через Анатолийское плато, выехав к месту битвы неравных соперников. С благородным рвением он поспешил на помощь меньшему по численности отряду сражавшихся воинов и вместе с ним выиграл битву. Предводителем отряда, которому помог Эртугрул, оказался не кто иной, как Алауддин Кайкобад, султан сельджуков Рума, который в знак благодарности подарил Эртугрулу земли, располагавшиеся

вдоль границы с Византией на крайнем северо-западе своих владений. Эртугрула поставили предводителем пограничного войска, наделив его полномочиями защищать владения султана и по возможности расширять их.

Это предание, хотя и в несколько драматизированной форме, дает представление о способах, которыми небольшие воинственные кланы кочевников смогли утвердиться в Малой Азии, как потому, что они располагали определенной военной силой, так и потому, что клонившаяся к упадку сельджукская держава нуждалась в их помощи для отражения угрозы нападения монголов с востока и христиан с запада.

Но спасти последних сельджуков уже ничто не могло. Нашествие на Малую Азию монгольского завоевателя Чингисхана сделало их султана всего лишь данником победителей, а прибывшие новые тюркские племена, согнанные со своих земель монголами, усилили общий хаос до такой степени, что к концу XIII века эта территория оказалась в состоянии анархии. Власть в ней перешла в руки определенного числа фактически независимых племенных вождей. Одним из них был Осман. Его имя на арабском звучит как Оттоман – так его принято называть на Западе. В 1281 году Осман наследовал своему отцу Эртугрулу. Когда же в 1299 году он провозгласил свою независимость от султана сельджуков, то это было констатацией факта, который сельджуки не могли отрицать. С этого времени начался путь Османа как завоевателя. И хотя его ханство первоначально было одним из самых

незначительных среди государственных образований, поделивших между собой державу сельджуков, династия Османа в течение сотни лет одолела большинство своих соперников и основала империю, носившую это знаменитое имя 600 лет.

Сын Османа Орхан, унаследовавший власть от отца, принял титул султана и стал чеканить турецкие деньги, заменившие денежные единицы сельджуков и Византии. Именно Орхан реорганизовал армию, которая теперь состояла из всадников-добровольцев, возвращавшихся в свои деревни по окончании военных походов. Он установил зависимость службы в кавалерии от земельных владений, так что владельцы земельных наделов с лошадьми и вооружением, соответствующими размерам их земельной собственности, были обязаны по первому зову принимать участие в войнах. В отличие от Западной Европы земельные наделы здесь не были наследственными – их даровал правитель.

Причину быстрого успеха и устойчивости власти османов определить нетрудно. Граница Византии, у которой осело племя Эртугрула, являлась наиболее уязвимым местом христианских владений, а постоянный приток гази, хлынувших со всех уголков Анатолии сражаться с врагами ислама, естественно, направлялся в расширяющееся государство османов, откуда они могли совершать набеги, грабить и, возможно, обращать в истинную веру балканские княжества неверных. Ханство османов служило воротами к этим княжествам. Османы предоставили им работу по душе и извле-

кали из этого выгоду. Оборона самой Византии становилась все слабее, а ее небольшая армия – численностью от 10 до 12 тысяч человек – была ненадежна. В конце же XIII – начале XIV века византийские провинции переживали социальный и экономический распад. Балканский полуостров, который раздирали борьба между претендентами на власть, вражда знати, далеко зашедшие социальные и религиозные распри, созрел для завоевания. Большая часть земель принадлежала монастырям и землевладельцам, жившим в городе на доходы с поместий, а когда турецкие завоеватели «освободили» полуостров и вернули его земли обездоленным крестьянам, их приветствовали как спасителей. Ликвидировав крупных землевладельцев, турки покончили на Балканах со старой моделью феодализма и открыли новые горизонты мелким землепользователям, которые с благодарностью приняли турецкое правление и платили своим благодетелям лояльностью. Богомилы, которых преследовали как католики, так и православные, считали турок своими освободителями и приняли ислам.

Когда османы поняли, насколько богата и разобщена Европа, они продолжили свои завоевания, постепенно установив господство над Фракией и Балканами. После закрепления власти турок на завоеванных территориях улемы – ведущие богословы – приняли меры для учреждения административных органов на новых территориях, тем самым способствуя укреплению порядка и установлению стабильности,

что способствовало, в свою очередь, обустройству населения и упрочению власти турок. Фактически к концу XIV века Османская империя владела в Европе большей территорией, чем в Азии. Однако в 1390 году султан Баязет начал завоевывать территории в Малой Азии. Его солдаты-мусульмане с неохотой сражались против единоверцев, которых они не могли грабить с чистой совестью, поэтому Баязет укрепил свою армию вассальными сербами и греками. Начав в первое десятилетие XV века активно завоевывать Малую Азию, в 1402 году он потерпел сокрушительное поражение близ Анкары от великого тюркского завоевателя Тимура. Это случилось за три четверти столетия до полного возвращения османами земель, которые они так быстро завоевали, но еще быстрее утратили.

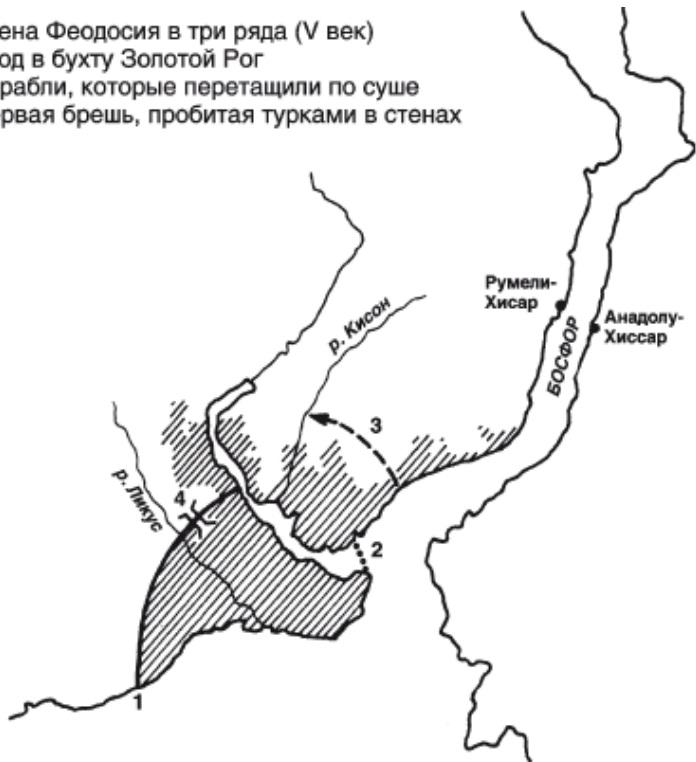
Катастрофа при Анкаре, однако, существенно не отразилась на владениях османов в Европе, откуда в первой половине XV столетия они продолжили свое продвижение, но предстояло завоевать главный приз – Константинополь. Обессиленная потерей своих богатых провинций и соответственно налогов, лишенная возможности набирать солдат для армии из-за утраты Анатолии, Восточная Римская империя превратилась в жалкое государственное образование, окруженное могущественными и победоносными турками. Возможно, более всего империю ослабляли распри между католиками и православными, хотя в 1439 году император Иоанн VIII согласился признать верховенство папы и со-

юз православной и католической церквей – он надеялся на помощь в отражении турок. Но византийское духовенство и набожные православные жители Константинополя яростно противились компромиссу с ненавистными католиками, считая это изменой православию. Даже накануне захвата города турками папа оставался главным врагом. В результате помощь христианских государей, направленная осажденному городу, оказалась абсолютно неадекватной. Когда в 1452 году Мехмет II завершил строительство крепости Румели Хисар, закрывшей доступ к Константинополю через Босфор, защитники города приготовились к своей последней битве. Мехмет II располагал первым в истории настоящим артиллерийским арсеналом – большим выбором бомбард и пушек – и, кроме того, огромной армией, включавшей рекрутов из Европы и Азии, 100 тысячами ополчения и сопровождения, в то время как население Константинополя составляло тогда около 60–70 тысяч человек, только 5 тысяч из которых были готовы сражаться. В ответ на отчаянную мольбу о помощи императора Константина папа направил к нему кардинала Исидора в сопровождении 200 солдат. Первое же упоминание кардиналом в соборе Святой Софии Декларации о Союзе и имени папы вызвало истошные крики прихожан: «Лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара». Генуэзцы прислали 3 тысячи солдат, и Константин мужественно приготовился к отражению штурма. Однако численности его армии все еще не хватало, чтобы занять позиции по периметру стен го-

рода и восстановить их обрушение на ряде участков.

Город был обнесен тремя рядами стен со рвами между ними, заполненными водой, на стенах находились сторожевые башни, существовали широкие проходы для передвижения войск. Городские стены выдержали двадцать осад, но теперь войска были способны преодолеть их прочность. Вход в бухту Золотой Рог перегораживала большая цепь, протянувшаяся от берега к берегу. Ловким ходом Мехмета стала постройка деревянного настила, смазанного маслом, который тянулся от берега Босфора до речки, впадавшей в Золотой Рог. По настилу при помощи быков перетаскивали 70–80 турецких кораблей. Они прошли по речке в бухту, оказавшись по другую сторону от перегораживавшей ее цепи. Население Константинополя проснулось в пост на понедельник в 1453 году, чтобы увидеть жуткое зрелище передвижений вражеского флота уже у стен города.

1. Стена Феодосия в три ряда (V век)
2. Вход в бухту Золотой Рог
3. Корабли, которые перетаскили по суше
4. Первая брешь, пробитая турками в стенах

Укрепления Константинополя во время завоевания города

Яростное сражение длилось несколько дней, но 29 мая Мехмет повелел начинать решающий штурм города с моря и суши. Наконец, в стенах были пробиты брешы, а император Константин погиб, защищая город. Греческие и итальянские

солдаты, оставшиеся в западне между стенами, были перебиты, турки ворвались в город, где три дня занимались беспощадной резней и грабежами. Впрочем, их действия нанесли Константинополю меньший ущерб, чем его разорение крестоносцами. Затем Мехмет твердой рукой навел порядок и, к изумлению тех, кто ожидал, что город сровняют с землей, объявил о своем желании сделать Константинополь столицей империи.

Не следует думать, что турки во время захвата Константинополя выглядели дикими варварами: прекрасная столица Бурса свидетельствует об их незаурядных способностях в изящных искусствах и архитектуре. Нужно учесть также, что в течение целого столетия османы и византийцы соседствовали, между ними совершался культурный обмен и их объединяли матримониальные интересы, порой стороны оказывали друг другу военную помощь и вступали в союзы.

Одним из первых мероприятий Мехмета в новой столице, переименованной турками в Стамбул, стало возвращение в город населения. Многим беженцам гарантировали защиту имущества и свободу вероисповедания, тем не менее тысячи людей переселились в Адрианополь, Галлиполи и Анатолию. С другой стороны, тысячи людей переселили в город из Сербии, Албании и Греции, многих – в качестве рабов, иммигрантов, военнопленных и беженцев. Наибольшее число переселенцев составили анатолийские турки, которые были призваны стабилизировать здесь ситуацию. Эти турки рассе-

лились в городских районах, получивших названия от городов и деревень, из которых прибыли новые жители.

Мехмет отличался большой дальновидностью в государственных делах. Он следовал принципу византийских императоров и арабских халифов: разрешить различным религиозным общинам иметь своих собственных лидеров. Мехмет выбрал известного греческого священника на место патриарха греческой общины, освободил духовенство от налогов, даровал церкви полную автономию от государственной власти и свободу отправления религиозных обрядов. В Византии вся полнота власти над православными греками принадлежала императору, патриарх оставался его тенью. Эту традицию переняли и турки. Кроме того, Мехмет позволил главному раввину вести гражданские и религиозные дела еврейской общины.

Завоевания продолжались. К турецким владениям прибавились Босния, Герцеговина и Албания, а к 1460 году пала вся Греция. Затем настала очередь Крыма и Румынии; постепенно султан Селим I захватил Сирию и Египет. Между 1520-м и 1566 годами его сын Сулейман Великолепный (бывший современником Карла I, Франциска I, Генриха VIII, Елизаветы I, Льва XX, Колумба, Кортеса, Ралея и Дрейка) завоевал Белград, Родос, Венгрию, часть Месопотамии и Армении, Йемен, Аден и побережье Северной Африки. Как уже отмечалось, «он располагал даровитыми советниками, которых умел держать своей волей в повиновении и использо-

вать благодаря своей мудрости». Нам хочется рассказать об Османской Турции именно в ее золотой век. В этой книге в основном будет описываться жизнь османских турок именно в этот период, поскольку тогда она была наиболее обеспеченной и безопасной. Однако правление Сулеймана стало водоразделом между эпохами. С его окончанием начался закат Османской империи. Сулейман первым установил режим капитуляций, то есть разрешение иностранцам пользоваться привилегиями собственной юрисдикции в пределах империи. Первоначально привилегии предоставлялись торговым компаниям, позднее властям любой страны, подданные которой имели достаточно важные интересы во владениях Османской Турции. Благодаря привилегиям иностранцы не подпадали под действие турецких законов и не платили налогов. Их дома и торговые предприятия пользовались иммунитетом, а аресты и высылки этих иностранцев могли осуществлять лишь послы соответствующих государств. Споры и конфликты между иностранцами разрешались их собственными консульскими судами по законам соответствующих стран. Немусульманские подданные Турции на службе у иностранцев могли получить аналогичный статус на основании консульских дипломов. На начальном этапе нарушения этих привилегий встречались крайне редко, поскольку землячества иностранцев были малочисленны и состояли главным образом из торговцев. Однако к середине XIX столетия этот режим капитуляций стал восприниматься как признак

слабости Турции.

Может показаться невероятным, что империя клонилась к упадку почти четыре столетия. Причины этого заключались частью в том, что султаны мирились с крайне низким уровнем политического единства, с большим разнообразием социальной и религиозной практики, но частью и во внутренних проблемах, преобладании интереса к внешнеполитическим делам и в распрях соперничающих кланов в Османской империи. Как бы то ни было, контролировать такие обширные и разнородные владения было невозможно, и на окраинах огромной империи все больше утверждалась автономия. Но главнейшая причина упадка заключалась в том, что империя представляла собой прежде всего военную машину. Начиная с Сулеймана султаны перестали быть завоевателями, а превратились в императоров. Теперь султаны в сопровождении своих визирей водили армию в сражение лишь в редких случаях. Армия вступила в эпоху, когда войны, за исключением оборонительных, велись редко, а это оборачивалось отсутствием новых рабов и богатых трофеев. Какое-то время империя пользовалась плодами завоеваний предшественников, затем ее слабости проявлялись все отчетливее. Армия становилась строптивой и неуправляемой, и, хотя предпринимались некоторые попытки реформировать ее по западной модели, они оказались безуспешными, преодолеть глубоко укоренившийся старый порядок было невозможно. Улемы тоже добивались для себя большей власти и вели себя

почти так же своевольно, как и янычары в армии. Легче становилось купить высокую должность, даже в больших городах не требовалось больших знаний и способностей, чтобы занять пост судьи, а медресе – религиозные школы – совершенно не интересовались делами за своими пределами. Тем временем султанский двор тоже переживал упадок и коррупционность.

Потребовались 12 лет непрерывной борьбы с братьями, чтобы Мехмет I почувствовал себя в безопасности на троне. Мураду II пришлось противостоять претендентам на султанат в лице его дяди и младшего брата. Когда Мехмет II включил в свой «Свод законов Османской династии», наряду с рутинными мелочными предписаниями о необходимости для придворных разбрасывать мелкие монеты во время выступления султана в военный поход или о смене ежеквартально облачения дворцовых пажей, одну жуткую статью, он руководствовался опытом правления своего отца и деда. Статья гласила: «После того как Аллах дарует одному из моих сыновей султанат, следует ради сохранения порядка в падишахстве умертвить его братьев. Большинство улемов объявили это допустимым. Соответственно надо и действовать».

В XVII веке этот закон братоубийства утратил силу. Вместо умерщвления братьев султана стали заключать в роскошных апартаментах дворца. Интриги наложниц султана, чтобы обеспечить наследование трона собственными сыновьями, стали еще одним источником слабости династии. Не сто-

ит удивляться тому, что так много последних султанов оказались людьми аморальными и невежественными. Тем не менее они оставались стержнем империи, держали ее судьбу в своих руках.

Во властных учреждениях происходил торг должностями, так что повышение по службе становилось скорее следствием богатства, нежели способностей. Часто преданных слуг султана замещали на их постах те, кто могли покупать должности. Сбор налогов уступил место торговле правом взимать налоги с сопутствующими последствиями этого в виде вымогательства и коррупции. Экономика и торговля империи отставали от уровня индустриализации и механизации западных держав.

Это отражалось на снабжении армии, судостроении и системе образования. Из-за традиционной неприязни к Западу, выросшей из прежних веков военного превосходства, Османская империя долгое время отказывалась принять на вооружение новые виды военной техники и тактику. Видимо, именно это мусульманское пренебрежение к новациям, исходящим от неверных, заставляло турок неадекватно реагировать на народные восстания на Балканах, а соотношение сил в Восточной Европе в последнюю четверть XVII века изменилось не в их пользу. В 1774 году по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору русские добились не только территориальных приобретений, но также права судоходства в Черном море через проливы Босфор и Дарданеллы.

Высадка мощного русского десанта на азиатский берег Босфора привела к заключению в июле 1833 года Хункарского договора, предоставившего русским свободу судоходства через Босфор и Дарданеллы, а также лишавшего этого права другие страны, если не получено одобрение России. Кроме того, русские добились права «ходатайствовать» перед султаном в пользу Молдавии и Валахии и выступать с представлениями по поводу необходимости постройки в Константинополе православной церкви. Это положило конец турецкому господству в Черном море. Была ограничена также власть над христианами империи, поскольку договор давал повод русским претендовать на покровительство всем подданным Турецкой империи, исповедовавшим православие.

В XVIII веке ослабла власть турок над Северной Африкой. Султаны перестали посылать своих пашей в Алжир, Тунис и Триполи, ограничившись лишь выдачей титула наследования для местных правителей. В Египте власть перешла к мамелюкам, а в конце XIX века Турция стала считаться «больной» в книгах по истории.

В зените могущества империи ее владения простирались от Будапешта на Дунае до Асуана на Ниле и от Евфрата почти до Гибралтара. В Европе Турецкая империя включала Балканский полуостров, Трансильванию, Молдавию, Валахию, большую часть Венгрии, Подолию, все северное побережье Черного моря, Крит, Кипр и острова Эгейского мо-

ря; в Азии – Малую Азию, Армению, большую часть Кавказа, долины Тигра и Евфрата, Персидский залив, все Восточное Средиземноморье и полосу побережья Аравийского полуострова до залива Адена; в Африке – Египет, Триполи, Тунис и Алжир. Население империи насчитывало около 50 миллионов человек. Оно состояло из мусульман: турок, татар, арабов, курдов, туркмен, берберов и черкесов. Определенное число боснийцев, албанцев и болгар было обращено в мусульманскую веру. Христианское население придерживалось в основном православного вероисповедания. Оно включало греков, венгров, сербов, румын, армян, грузин и египетских коптов. Были также евреи и, кроме того, рабы из Германии, Польши, России, Греции, Италии, Франции и Испании.

Формат этой книги не позволит описать многообразие условий, сложившихся в империи за 600 лет, но своеобразная стабильность османского общества позволяет описать образ жизни, сохранявшийся частично или в целом в течение весьма продолжительного периода.

Необходимо разобраться в значении слов «турки» и «османы». В этой книге слово «турецкий» употребляется так, как принято на Западе, где не делается различия между Стамбулом и остальной страной, но Турция выделяется из империи, хотя в реальности такой географической целостности, как Турция, на карте Османской империи не существовало. Разумеется, были территории с населением, говорив-

шим преимущественно на турецком языке, приблизительно соответствовавшие первоначальным захватам османами земель в Анатолии и Румелии, но их поделили на административные единицы, подчинявшиеся центральному правительству в Стамбуле, по тому же принципу, что и другие владения султана. Понятия тюркизма в национальном смысле попросту не существует, так же как не было такого понятия, как «Турецкая империя». В этом смысле даже понятие «султан» пришло с Запада. Суверен величался на этой территории падишахом – в переводе с персидского языка «император». Слово «турок» использовалось для обозначения крестьянина, и даже деревенщины. Так называли жителей Анатолии, говоривших на турецком языке. Правящий класс, в первую очередь суверен и государственные чиновники, считали себя османами и мусульманами, и, хотя имела место религиозная солидарность, образованные городские представители правящего класса считали людей, называвшихся турками, провинциальными мужланами и представителями «подлого» сословия. Каждый этнический турок, за исключением тех, что были представителями духовенства или нескольких выдающихся военных и государственных деятелей, получивших образование и добившихся высокого положения во власти, был накрепко привязан к своему месту в жесткой социальной иерархии. В его представлении, однако, это было прочное, уважаемое место под защитой системы.

Османь унаследовали некий гибриды турецкого языка.

В нем содержался большой объем заимствований из персидского и арабского языков. На нем говорили богатые и знатные. Речь простых турок считалась ими «грубой». Язык османов использовался в государственных учреждениях, арабский – в сфере религии, персидский – в области культуры и литературы, особенно поэзии. Только дома, вдали от посторонних глаз и, возможно, от слуг, османы говорили на турецком – языке жителей Анатолии.

Глава 2

Власть и управление

Важно то обстоятельство, что османам удалось, учитывая размах их завоеваний и разнообразие культур и укладов, проявить недюжинный талант в государственном управлении. Фактически именно это, а не обширность их территориальных приобретений характеризует величие Османской империи и определяет качество жизни ее подданных. На такую одаренность осман указывают сочетание отлично организованной государственной службы, системы социальной справедливости, основанной на сакральных законах ислама и потому вызывающей к себе благочестивое отношение населения, и наличие жестокой, преданной и дисциплинированной армии. Все это вполне совмещалось с местными обычаями, укоренившимися столь глубоко, что их нарушение было либо опасным, либо невозможным. К этому следует добавить гуманность турок на моральном и бытовом уровнях, которая способствовала тому, что христианское население многих завоеванных территорий смирилось со своей судьбой. В самом деле, притом что большая часть населения многих провинций разительно отличалась в расовом и религиозном отношении от управлявших ими осман, социальный протест поражал своим незначительным масштабом.

Даже во время войны правительственные силы поддержания порядка отвлекались на ведение боевых действий, оставляя горстку чиновников управлять подданными завоеванной провинции. В сложившихся обстоятельствах мусульманское население завоеванных территорий, воспитанное в традициях подчинения и неприятия перемен, за исключением некоторых непримиримых и разбойничьих племен, без особого труда управлялось османами. Благодаря взаимодействию многих факторов, сохранявших свое влияние в эпохи становления, расцвета и упадка Османской империи, она представляла собой внушительную силу в продолжение 600 лет, имея в качестве символа своего могущества и великолепия верховного правителя – султана.

Хотя Османская династия просуществовала тот же исторический срок, что и империя, наследование в ней монаршей власти старшим сыном происходило отнюдь не автоматически. В 14 лет или примерно в этом возрасте после церемонии обрезания юных принцев отсылали управлять различными провинциями Анатолии, откуда в столицу следовали отчеты о результатах их правления. Со временем правивший султан решал, какой из сыновей мог считаться его наследником, тому и предоставлялся важный административный пост близ столицы. Для того чтобы избежать заговоров враждующих группировок двора, поддерживающих разных претендентов на трон, как уже упоминалось, существовала практика умерщвления других братьев (и их сыновей). Их душили

шелковой удавкой – такая казнь приберегалась для тех, пролитие благородной крови которых считалось делом нечестивым. Эта варварская практика воспринималась как недорогая плата за избавление от династических войн и гражданского противостояния: «Смерть принца менее прискорбна, чем потеря провинции».

Траур по случаю кончины самого султана не был слишком длительным, его гарем быстро удаляли в Старый дворец, а фаворитов и фавориток разгоняли. Новый султан немедленно вступал в должность, усевшись на троне перед Вратами счастья в Новом дворце, которые Мехмет Фатих (Завоеватель) построил на мысе, обращенном к входу в Босфор. Там ему присягал двор: знатные лица империи целовали край его одежды и клялись в преданности. За этим следовала церемония заседания его совета – дивана, – где объявлялось о назначении новых министров и раздавались подарки. На заседании дивана отдавались официальные повеления о чеканке новых монет, на которых были выгравированы имя, титулы и дата восшествия на престол. Каждый султан владел особой печатью – тугрой, которая использовалась как в качестве подписи, так и монаршего вензеля в форме замысловатой монограммы его имени. Оттиски этой тугры ставились на документах, султанских декретах – везде, где требовалась султанская печать, а позднее и на монетах. Через 5–15 дней наступало время Опоясывания – церемонии несколько мистического характера, проводившейся в узком кругу

приближенных. Султан совершал морскую прогулку на барке по акватории бухты Золотой Рог к гробнице Эюба – соратника пророка Мухаммеда, который пал в сражении и был похоронен на месте гибели, а его мавзолей стал самой почитаемой мусульманской святыней в Европе. Там в торжественной обстановке султана опоясывали поясом с обнаженными мечами – иногда не одним, – которые изымали из сокровищницы. На церемонии присутствовали великий муфтий, олицетворявший духовную власть, главный меченосец, представлявший султанскую семью, а также небольшое число приближенных, находившихся в это время в особой милости, таких, как главы определенных дервишских орденов. После этой церемонии султан мчался верхом на коне в Стамбул, останавливаясь по пути у гробниц своих великих монархов-предшественников.

О том, что новый султан пришел к власти, оповещали все провинции империи и всех других государей. Он получал такие богатые подарки, что многие иностранные послы и посланники, наблюдавшие в Стамбуле великолепие этих подарков, впадали в уныние от скудости собственных средств и невозможности преподнести султану дар такой же ценности. Они отсылали на родину отчеты, находясь в смущении и отчаянии от зрелища проходивших по улицам города верблюдов с грузами сокровищ из России, Китая и Индии.

По восшествии на престол султан становился абсолютным деспотом – вершиной системы правления, основанной на

священном законе ислама. Это, наряду со строгими ограничениями, тем не менее наделяло его огромным авторитетом как верховного правителя, властителя, особенно с тех пор, как султан унаследовал сан халифа – преемника пророка. Он также становился административным, политическим и военным главой мусульманской общины. Однако для удостоверения того, что все политические действия султана соответствуют законам шариата, он при принятии важного политического решения получал благословение великого муфтия – высшей религиозной инстанции. Если случалось, что муфтий отказывал в благословении, султан оставлял свой проект. Если же у него было достаточно прочное положение, чтобы настаивать на своем решении, то добивался смещения муфтия и замены его более покладистым, способным найти религиозные обоснования решению государя. С другой стороны, слабый и непопулярный суверен мог ожидать, что грозный муфтий при поддержке мятежного населения осудит его как правителя, не способного применить религиозный закон. Тогда султана смещали и заменяли другим членом семьи, более заслуживающим такой чести. Обычно же султаны держали бразды правления в руках крепко, и в этом им помогало то, что администрация, отчасти и в армии, состояла фактически из рабов, жизнь и смерть которых зависела от государя. Сложилось это таким образом.

Численность рабов, рождавшихся в мусульманских владениях империи, все уменьшалась, по мере того как их господа

в стремлении угодить Аллаху предоставляли им свободу или из-за того, что дети матерей-рабынь и господ-мусульман автоматически получали свободу. Это означало, что следовало пополнять количество рабов либо путем завоеваний, либо покупкой на чужих территориях. Из трофеев войны пятая часть поступала султану; в дальнейшем рабами султана становились в этой пропорции все пленные, захваченные в войнах с неверными, а наиболее пригодных из них делали солдатами. Однако с наступлением перерыва в войнах в Европе поток пленников-христиан иссяк, а поскольку священный закон запрещал обращать в рабство единоверцев-мусульман, азиатские завоевательные походы не давали новых рекрутов. Вот почему родился совершенно оригинальный замысел: периодически, в зависимости от потребностей, производился набор рекрутов из владений султана, населенных христианами, главным образом из Балканских стран. На воинскую службу отбирали холостых юношей в возрасте между 10 и 20 годами. В этом случае офицер-янычар с помощником объезжал подведомственные районы в христианских провинциях, таких, как Румелия, Албания, Греция и Сербия, имея в своем распоряжении удостоверяющий документ с подписью командующего янычарами, предписание с указаниями его полномочий и нарядом-заказом на воинскую форму. Глашатаи вызывали на просмотр детей, которые приходили вместе с отцами и деревенскими священниками. Те приносили свидетельства о рождении детей. Офицеры, ответственные

за набор рекрутов, отбирали в присутствии местного судьи и богатых землевладельцев наиболее пригодных для службы юношей, то есть физически крепких, привлекательных, психически устойчивых, которые не знали турецкого языка и не владели никаким ремеслом, не состояли в браке, не проживали в городе и не были сиротами, вынужденными заботиться о себе. Отбирались только дети христиан, а также дети одной специфической народности – боснийцев-мусульман. Они должны были представлять собой чистый, простой, сырой материал, из которого следовало вылепить новые судьбы. Хотя отбору не подлежали сыновья, являвшиеся единственной опорой своих родителей, эта беспощадная рекрутская практика доставляла много горя и переживаний. Она явилась причиной многих ранних деревенских браков, при помощи которых юноши избегали неволи. Тем не менее, последующая подготовка юных рекрутов открывала для них такие необозримые перспективы продвижения по службе, что многие семьи смирялись с такой системой набора и даже радовались расставанию со своими сыновьями. За принятие юношей-немусульман на службу была предложена такая сумма взяток, сколько денег заплачено за покупку юношей-христиан. Молодых мусульман Боснии, уже подвергшихся обрезанию, охраняли по пути в столицу с особой бдительностью, чтобы в их среду не проникли юноши-турки. Чтобы избежать злоупотреблений, помощник, сопровождавший офицера-янычара, составлял документ, где указывались имена,

происхождение, возраст и характеристика рекрутов, в двух экземплярах. Одна копия документа передавалась офицеру, другая – смотрителю, доставлявшему юношей в Стамбул. Такой набор рекрутов называли «девширме» – «сбор».

По прибытии в столицу рекруты официально принимали ислам, то есть поднимали правую руку и произносили: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его». Затем они подвергались обрезанию. Наиболее сообразительные и способные юноши отбирались для службы во дворце, остальные передавались внаем турецким семьям Малой Азии и Румелии для сельскохозяйственных работ, изучения турецкого языка и окончательной исламизации. Затем, когда освобождались вакансии, их брали на службу в элитное армейское подразделение – корпус янычар – или на какую-нибудь иную службу. В любом качестве они оставались рабами султана пожизненно, покорными его прихотям и повелениям, обязанными идти туда, куда их пошлют, выполнять то, что им поручат, и готовыми отдать свою жизнь в любое время. С другой стороны, в меру своих способностей и преданности они могли добиться, особенно на дворцовой службе, вершин власти и богатства, а титул раба султана считался почетным. Совершенно оторвавшись от прежней жизни и подвергнувшись суровой и всепоглощающей муштре, они одновременно полностью зависели от султана и обладали абсолютной компетентностью относительно требований своей службы. Многие из этих сыновей забытых

и безграмотных родителей были настолько удачно отобраны и подготовлены к выполнению своих обязанностей, что становились высокообразованными и культурными, чрезвычайно одаренными людьми, на административном таланте которых держалась огромная и сложная империя.

Наиболее сообразительные юноши, отобранные для службы в столичном дворце, направлялись туда в качестве пажей под присмотр главного белого евнуха. Другие попадали в тот или иной из султанских дворцов в Бурсе и Эдирне или в специальные школы при дворце в Галате и Стамбуле. За ними осуществлялся хороший уход, но с соблюдением условий простоты быта и дисциплины, с явным акцентом на повиновение и хорошие манеры. Наказывали юношей строго, но не жестоко: не более раза в день наносили тонким прутом десять ударов по подошвам стоп. Обслуживая султанскую семью в качестве пажей, они проходили вместе с тем основательное обучение турецкому языку, чтению по-арабски, поскольку арабский – язык Корана, и по-персидски, поскольку персидский был языком литературы и поэзии, равно как истории, юриспруденции и религии. Для страховки от возможной безработицы или, вероятно, в качестве дани традиции, которой следовали даже султаны, каждого юношу обучали также какому-либо ремеслу, а кроме того, владению оружием, искусству верховой езды и военной стратегии. Обо всех достижениях учащихся докладывал по инстанции их главный наставник – евнух, опекавший группу из десяти человек

денно и ночью. В соответствии со своими способностями ученики проходили различные ступени дворцовой службы. Наиболее способные прислуживали самому султану до 25-летнего возраста, когда считалось, что они готовы вступить в самостоятельную жизнь вне дворца. Из этих юношей отбирали назначенцев на должности губернаторов в провинциальные города. Некоторые поступали на службу в Почетную гвардию – ударный корпус специального назначения, однако большинство отправляли служить в кавалерию регулярной армии – Сипахи Порты. На торжественных церемониях выпуска учащихся присутствовал сам султан, он поздравлял каждого из них с получением назначения и дарил расшитый вышивкой френч, хорошего коня, а иногда и деньги.

Тех, кто поступил на государственную службу и кто доказал своей преданностью и способностями, что достоин занимать высокие должности, повышали по службе до тех пор, пока лучшие из них не возвращались во дворец на самые ответственные посты. Даже в этом случае учебный процесс продолжался, поскольку Тайный совет тоже был своеобразной школой, где его члены усваивали опыт высокопоставленных сановников, обсуждали их идеи и демонстрировали способность занимать более высокие посты, и даже должность главы государственного аппарата – великого визиря. Он считался представителем султана, главным министром, ответственным за все назначения в армии, столичной и провинциальной администрации. Великий визирь командовал армией

во время войны, если султан не брал эти обязанности на себя, нес ответственность за поддержание законности и порядка в столице. Его официальная резиденция, известная как «Баб-и-Али» – «Высокие ворота», которой европейцы дали более яркое название «Высокая Porta», – отождествлялась Западом с правительственной резиденцией Османской империи. Тем не менее этот назначенец был таким же рабом султана, как простой рекрут, и так же, как раб, подвергался суровым наказаниям, впад в немилость, в случае признания не соответствующим своему посту или вовсе ненужным.

Наряду с государственной службой, в которой руководителями могли быть как свободно рожденные мусульмане, так и рабы-христиане, властью обладали представители судебной системы и иерархии духовенства. Правовые нормы черпались в империи из четырех источников. Во-первых, из шариата – свода священных законов ислама, изменить который или не подчиниться ему не мог и сам султан; во-вторых, из канунов – законов, письменно декретированных султанами; в-третьих, из адата – устоявшихся обычаев, имеющих особое значение в отдаленных и отсталых районах, где посредством неписаных законов веками осуществлялось нечто похожее на правосудие; в-четвертых, из урфа – установлений правившего султана в письменной форме, становившихся канунами, но более важными, чем прежние кануны или нормы адата, противоречившие этим султанским установлениям.

Разумеется, первостепенную важность имел шариат. Он

господствовал не только в правовой и религиозной сферах, но также в социальной, этической и экономической жизни людей. Это была вотчина улемов, то есть мусульманского духовенства разных рангов – от муллы самой захудалой сельской школы до высокообразованных людей, которые, следуя четко выработанному курсу преподавания, становились признанными авторитетами в сферах закона и религии. Свое образование они начинали в медресе и учебных заведениях при больших мечетях, где изучали грамматику, логику, философию, геометрию и астрономию. Помимо этих предметов, в медресе более высокого разряда, где обучение велось двенадцать лет, изучались Коран и шариат, в том числе теология, толкование священных книг и юриспруденция. Когда учащиеся завершали курс обучения, они приобретали достаточные знания для назначения на пост кадия – судьи одной из провинций. Более честолюбивые начинали преподавать в первом из списка двенадцати высших медресе, составленного по восходящему принципу. Молодые люди последовательно проходили очередные ступени и приобретали квалификацию для занятия более высокого поста. После того как они поработали в девяти медресе, завершая преподавание в одной из авторитетных школ при мечети Сулеймане в Стамбуле, перед ними открывалась перспектива назначения на самую высокую должность. Они могли благодаря приобретению высокой квалификации стать преподавателями трех главных медресе или кадиями в любом из двенадцати

ти наиболее важных городов империи, самыми первыми из которых считались Мекка и Медина, или даже занять должность кадия Стамбула. Выше этой должности считался пост кадия-аскера Анатолии, то есть армейского судьи азиатских провинций, а еще выше был пост кадия-аскера Румелии – армейского судьи европейских территорий империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.